

ОСКАР МАРИЯ ГРАФ — «АНТОН ЗИТТИНГЕР».

Изд. Малик-Ферлаг, Лондон. 1937 г. 387 стр. (Oskar Maria Graf. «Anton Sittinger». Malik-Verlag, London, 1937, 387 S.)

На первый взгляд новая книга Графа «Антон Зиттингер» является только хроникой жизни одного обывателя в период 1917—1933 года.

Почтовый инспектор Зиттингер шестнадцать лет ждет, когда же, наконец, начнется «настоящая жизнь», копит золото и американскую валюту, трясется при каждой «смене властей», отчаянно отстаивает свое право быть вне политики.

Зиттингер как будто безобидное существо. Он хочет только одного — чтобы его оставили в покое. Несмотря на то, что «красные» внушают ему величайший ужас, он отнюдь не собирается идти на удочку фашистской демонологии.

Ведь «вшивые мальчишки» из штурмовых отрядов тоже посягают на свободу его личности, тоже хотят втянуть его в какие-то активные действия. Они для него также являются воплощением беспокойного «духа времени», отодвигающего в бесконечную даль идеал «настоящей жизни» — жизни сытой, жирной улитки.

Сила и значение книги Графа заключается в том, что она разоблачает мнимую безобидность Зиттингера и тысяч ему подобных. Граф показывает, как, несмотря на свою фронду против фашизма, Зиттингер неизбежно примиряется с ним. Зиттингер не может стать не только антифашистом, но даже и внутренним эмигрантом в «Третьей империи». У него не только нет социально-политических принципов, которые не дают примириться с фашизмом, у него нет даже моральных или эстетических причин ненавидеть фашизм. Он — законченное воплощение обывательского нигилизма. Он читает Сенеку и Шопенгауэра, он пробует дать философское обоснование своей животной трусости и животного эгоизма. Но вся его мудрость по существу заключается в том, что надо сидеть тихо, сидеть в углу — иначе сожрут. В глубине души он не верит ни во что, кроме собственного брюха.

И книга Графа показывает, как трус, эгоист, обыватель, отстаивающий в период

особенно острой классовой борьбы свое право быть пассивным, неизбежно приходит к активно вредным действиям.

Зиттингер мог цоругивать фашизм, пока он по своей близорукости не принимал его всерьез. На то было много причин зиттингеровского порядка. Жена Зиттингера, Мальвина, была явно равнодушна к бравому чернорубашечнику и в свое увлечение «движением» и фюрером вносила много эротического пыла. Руководитель местного отряда штурмовиков донес на соседа Зиттингера за незаконную торговлю водкой и омрачил этим ночные развлечения инспектора. И, наконец, развитие фашистского движения нарушило ту идиллию, создать которую Зиттингер надеялся, выйдя в отставку и поселившись в деревне.

Накануне фашистского переворота Зиттингер с ужасом заметил, что он все-таки замешался в политику, что он «неблагонадежен» в глазах новой власти, что ему надо скорей реабилитироваться, «бежать к Гитлеру за выигрышным номером». И тут безобиднейший обыватель, пассивный моллюск проявляет большую прыть и активность. Он доносит начальнику штурмового отряда на случайно открытого им нелегального работника компартии.

С души Зиттингера спадает камень — в донос против «красного» он вложил всю ненависть к «духу века», к беспокойным людям, и отныне может примириться с фашизмом и спокойно проживать под эгидой новой власти. Самое любопытное заключается в том, что подлость, совершенная Зиттингером, оказывается ненужной, бесплодной подлостью. Никто его врагом фашизма, «неблагонадежным» и не считал, — его жена, «истинно-немецкая женщина», уже давно записала его в пассивные члены национал-социалистской партии.

Разоблачение липкой, болотной, активно вредной силы обывательщины дано в книге Графа тем сильнее, что наряду с самим Зиттингером — законченным ее воплощением — в

книге присутствует и «зиттингеровщина» — отдельные черты той же психологии, проявляющиеся в других, более полноценных людях, в периоды крутых исторических переделов.

Но все образы романа — кроме Зиттингера и его жены Мальвины, стареющей дамы, «мироносицы» фашизма — очерчены очень бегло. Крестьяне выступают в романе как единая масса, о которой автор скорее рассказывает, чем показывает ее. В изображение

национал-социалистов — Эбентолера и Шлихта — автор вложил больше иронии, чем настоящего гнева.

Зато несомненно удался автору чуть намеченный образ художника Кестнера — нелегального работника компартии, руководителя окружной организации. Для изображения этого антипода Зиттингера автор нашел слова и краски, полные романтического лиризма, столь несвойственного его обычной манере.

Е. Книпович

ЭЖЕН ДАБИ. МАСТЕРА ИСПАНСКОЙ ЖИВОПИСИ — ГРЕКО И ВЕЛАСКЕС. Париж, NRF, 1937 г. Eugène Dabit. — Les maitres de la Peinture Espagnole. Le Greco — Velazquez. Paris, NRF, 1937)

В Париже, в издательстве NRF, вышла книга о двух великих мастерах испанской живописи XVI—XVII веков, Греко и Веласкесе. Она была написана Эженом Даби, молодым французским писателем-антифашистом, умершим два года назад.

Широкая советская публика знала Даби главным образом по его романам из жизни французского «мелкого люда». Но Даби был профессиональным знатоком живописи, он сам был художником на протяжении ряда лет и особое внимание уделял испанскому искусству.

В предисловии к книге Даби указывает, что пишет эти два этюда не как профессор, архивариус или хранитель музея. Он не стремится «сохранить на своих одеждах пыль библиотек» и хочет писать об искусстве с чувством и страстью, «подобно Бодлеру».

Книга Даби — это не романтические биографии, не литературные портреты художников. Это анализ их творчества, их наиболее выдающихся работ.

Анализ Греко, художника, близкого Даби, сделан с большим чувством и ставит широкие задачи. Утонченное, своеобразное искусство Греко, впитавшего в себя влияния различных школ живописи (Византия, Венеция, Испания) и все же создавшего свой особый стиль, было «открыто» лишь в конце XIX века. Его общепризнанное значение для французских импрессионистов подчеркивается и Даби. Но Даби стремится противопоставить свою характеристику Греко тем концепциям его искусства, которые выдвигались реакционерами. В частности, он полемизирует с Барресом, пытавшимся ограничить творчество

Греко чертами аристократического мистицизма и католицизма. Даби находит в искусстве Греко черты любви к жизни, полноценности, гармонического единства мысли и формы.

Даби показывает Греко как художника, которого религиозные сюжеты не отдаляли от реальности. У него было зрение художника-реалиста. «... Если бы Греко жил сегодня, он бы рисовал сцены повседневной жизни, игроков в карты или крестьян, и он бы их ни капли не идеализировал...»

В представлении Даби Греко многосторонен, как большинство художников Возрождения. Он писал заметки об искусстве живописи, был скульптором, проектировал архитектурные сооружения. Даби ставит имя Греко рядом с именами других великих людей его эпохи, которых он, вероятно, знал, — Лопе де Вега, Гонгора, Сервантес.

Даби неоднократно подчеркивает, что он оценивает Греко не как литератора, поэта или мистика, а как художника — художника, и он любит в нем не «верующего и ясновидца», но мастера и человека. Реабилитация художника — «мастера и человека» — была задачей Даби, и его доказательства звучат искренно и убедительно.

Этюд, посвященный Веласкесу, — меньше по размеру и написан с меньшей страстностью. В первом этюде Даби полемизировал, боролся, стремился найти земное и полноценное в «неземном» искусстве Греко. Чувствуется, что великий Веласкес его трогает меньше. Но и в этом очерке Даби показывает читателю то своеобразное мастерство, которое делает столь